

Все, как всегда, решил случай. На каком-то просмотре в Доме кино руководитель одного из мосфильмовских объединений Владимир Наумов предложил мне написать сценарий по сюжетному замыслу Гайдая. Я призвал на помощь моего старого кавээнковского друга Юру Воловича. И с того дня пять лет мы были с Гайдаем вместе.

все и так прекрасно! Я пытался учиться и этому мучительному самодетству творца. Но опять же вряд ли научился. Потому что таким тоже надо родиться.

Вот я пишу: учил, учил... Но в прямом смысле Гайдай никого не учил и никогда не поучал. В нем не было ни грана от мэтра, ни капли от корифея, ни камушка от монумента. А учил он своим трудом и своей жизнью.

Зато сам он очень любил учить-

ник в гайдаевской вариации, о которой он мне поведал с детским простодушием большого ребенка.

Убеден, эти слова — «детское простодушие» и «большой ребенок» — вам скажут девять из десяти знавших Гайдая. Может быть, именно в этой сохраненной до седины детскости и таился секрет неповторимого мастера?

Когда мы сели писать вполне взрослый сценарий «Частный детектив, или Операция «Кооперация»,

Я пишу, пишу и думаю: не о том я что-то пишу. Все про какие-то мелочи, про ерунду. А надо бы сказать о чем-то серьезном, о самом важном.

Может быть, надо сказать о том, что Гайдай воевал простым солдатом. Но что я могу сказать, если он никогда не рассказывал о себе на войне. Я даже не знал, что он был тяжело ранен, пока не увидел, как на съемках он мучается с изуродованной ногой. Я знал только, что самый святой праздник для Гайдая был День Победы.

Не знаю я и того, были ли у него боевые награды. Но я знаю, что наградами мирными он не был увешан, и призами-премиями не был увенчан, и высоким начальством не был обласкан. Однажды киночиновники с какой-то мелкой мстительностью — за талант? за удачу? — даже припечатали его фильму унижительную третью категорию, которую всучали только начинающим или бездарным. Гайдай очень переживал. Очень! Правда, он был народный артист СССР. Но это звание ему чиновники лишь выдали, а дал народ.

Так, может быть, надо сказать о самом в конце концов главном — о его фильмах? Но что говорить, если эти фильмы знает каждый, и уже три десятилетия они не просто любимы — обожаемы зрителями и ни на день не исчезают с экранов.

Вот разве еще надо сказать о том, что в «низком» жанре комедии Гайдай сумел вовсе не осмеять, а воспеть персонаж «высокого» жанра трагедии — «маленького человека». Ведь и Шурик, и Семен Семенович Горбунков — те же самые маленькие, даже если хотите — гоголевские люди, заверченные неутомимым, хоть и комическим, водоворотом жизни, и потому мы смеемся не над ними, а вместе с ними, и главное — мы им сочувствуем, мы им сопереживаем...

Но знаете, если бы все это я изложил Гайдаю, уверен, что он, так не любивший высокопарность, сказал бы то, что говорил мне по самым разным поводам: «Аркадий Яковлевич, по-моему, вы бредите!»

Да, несмотря на разницу в возрасте и положении, Гайдай был с нами всегда на «вы» — Аркадий Яковлевич, Юрий Самсонович... И мы, конечно, ему соответственно — Леонид Иович. А то, что я тут пишу просто — Гайдай да Гайдай, так это фамилия у него была такая, очень подходящая для веселого жанра фамилия — краткая, звонкая, удалая. Фамилия, ставшая именем в искусстве, вполне самостоятельным понятием: «гайдаевский» фильм — это понятно всем.

Такое не многим удавалось. Иным талантливым художникам, чтобы обессмертить свое имя, пришлось сначала умереть.

Гайдаю не надо было умирать, чтобы получить признание и любовь.

Аркадий ИНИН.

ОН НЕ БЫЛ ВЕСЕЛЬЧАКОМ В ЖИЗНИ

СЕГОДНЯ ЛЕОНИДУ ГАЙДАЮ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 75 ЛЕТ

На съемках фильма «Частный детектив, или Операция «Кооперация» (А.Инин, Д.Харатьян, И.Феофанова, Л.Гайдай).

Пять последних лет Гайдая — два фильма, сценарий третьего... Москва, Одесса, Ленинград, Ялта, Нью-Йорк, Иерусалим... Пять незабываемых лет рядом с Мастером...

Хотя познакомился я с Гайдаем гораздо раньше. И очень трудно было предположить великого комедиографа в этом долговязом, весьма тощем и слегка сутулом, старомодно одетом человеке со встречанным седым хохолком, в одной руке у которого был поводок лохматенькой дворняжки, а в другой — авоська, да-да, нынче подзабытая, но прежде легендарная сетка-авоська.

Именно таким я впервые увидел Гайдая по месту нашего общего жительства — у метро «Аэропорт». Он шел на рынок. Нина Павловна не обременяла его домашними заботами, брала основное на себя, но рынок — это было святое: ну кто лучше Лени выберет мясо? То есть он разбирался и в рыбе, и в твороге, и в огурчиках-помидорчиках, но мясо было его короной. И впоследствии я, не смыслящий ни уха, ни рыла ни в мясе, ни в рыбе, выслушивал его упреки... нет, вру, он никогда никого ни в чем не упрекал... я выслушивал его удивление по поводу моей беспомощности, недостойной мужчины.

Я долго мечтал работать с Гайдаем. Однако как-то не складывалось. Он читал мои сценарии и вежливо отклонял. Он никогда не говорил: «Это плохо». Он мягко говорил: «Это не мое».

Но вот, как всегда, все решил случай. И начались пять счастливых лет с Гайдаем...

Он был учитель и мучитель.

Как учитель Гайдай учил не столько знанию кино, сколько пониманию кинозрителя. Сам он был «человеком из зала» и прекрасно знал, а главное, чувствовал, что этому человеку нужно. Он избавлял зрителя от головомоек, злобы и грязи, он старался нести зрителю яс-

ность, улыбку и доброту. Этому он меня учил, этому я у него учился. Но вряд ли научился. Потому что «человеком из зала» надо родиться.

А как мучитель Гайдай был примером поисков требовательным художником приключений на свою собственную голову. Сколько дублей, на которых все смеялись, он отверг, сколько снятых кровью и потом эпизодов он выбросил в корзину, сколько он писал и переписывал, снимал и переснимал, клеил и переклеивал, несмотря на общие наши вопли, что

ся и своим гениальным учителем считал Чаплина. Начиная работу над очередным фильмом, Гайдай непременно показывал съемочной группе классические чаплинские ленты, которые он знал наизусть.

Однажды Гайдай мне на голубом глазу сказал: «Вам понравился этот мой трюк? А я его слямзил у Чаплина!» Честно говоря, сначала я оторопел. Но затем, просмотрев чаплинский гэг и трюк Гайдая, успокоился: славный Чарли даже отдаленно бы не признал свой первоисточ-

Гайдай сразу предупредил: «Учтите, мы делаем фильм для детей». А наша лента «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди» просто начинается титром: «Фильм для детей — младшего, старшего, зрелого и пожилого возраста».

Гайдай много курил и немало выпивал. Но даже в этих его совсем не детских пороках было столько детского... Когда ему, курившему только простые русские табаки, Дима Харатьян подарил блок «Мальборо», Гайдай радовался, словно мальчишка, и выкуривал только по одной заморской сигарете на закуску — после российской. А когда мы с Юрой Воловичем тайком от Гайдая вылили в туалет бутылку водки, он чуть не плакал, как ребенок, — не из-за водки, а из-за того, что нам в голову пришло такое святотатство. (Между прочим, Юрий Никулин, узнав об этом, сказал: «Гайдай — гуманист, а я бы вас обоих убил!»)

А как по-детски хитро и по-детски же неумело Гайдай прятал в доме спиртное. Нина Павловна его мгновенно разоблачала. Потому что он совершенно не умел врать. Даже когда пытался, не получалось. Такая уж была чистая душа.

Кстати, авторитет Нины Павловны — трудовой, боевой и творческой подруги — был абсолютно непререкаем. Например, мы с Гайдаем что-то сочиняем, обсуждаем, решаем и расходимся. Но когда на другой день мы встречаемся вновь, Гайдай произносит многозначительно: «А Нина сказала...» И было очень трудно, а порой и вовсе невозможно, сбить его с того, что сказала Нина.

А еще Гайдай был по-детски азартен, обожал играть в казино, но не в мудреные карточные игры, а на простейших игровых автоматах. Он мог часами дергать рычаги этих «одноруких бандитов», а потом часами же возбужденно рассказывать, что надо было бросать жетоны не так, не туда и не столько, а вот если бы он бросил их так, туда и столько, то получилась бы вот такая сказочная комбинация с вот таким фантастическим выигрышем...